

Глава 3. Ещё ряд неудачных реформ и крах КПСС

1. Закон «О кооперации в СССР» — польза или вред?

К к пис ли з -
кон. 30 декабря 1987 года в Кремль к председателю Совета Министров Николаю Ивановичу Рыжкову была приглашена группа специалистов — в основном докторов

и кандидатов наук из аппаратов Совмина, Минфина, Минюста, Центросоюза и Института государства и права. Им была поставлена задача за один месяц подготовить проект закона «О кооперации в СССР». Были также подключены юристы из нескольких НИИ и Союза кооператоров. Решение принималось на самом верху. Руководил комиссией по разработке законопроекта зампред Госплана СССР С. А. Ситарян, ему предстояло сделать соответствующий доклад на Политбюро ЦК КПСС.

Ситарян С. А.: «К идее развития кооперации я пришёл, когда мы готовили реформу 1965 года. Полностью сформулировать конкретные предложения по развитию кооперации я старался, когда мы в 1983 году готовили предложения для Ю. В. Андропова. Я считал, что в том виде, в

каком существуют государственные предприятия, они не могут раскрыться, не могут выйти на рынок, не получая директивных заданий сверху. Так что многие наработки по кооперации, которые предлагала моя группа, готовя предложения по экономической реформе для Ю. В. Андропова, я использовал в дальнейшей работе. Получилось так, что закон «О кооперации в СССР» прошёл в том варианте, какой мы представили» (*Сит рян С. А. Уроки будущего. — М.: Экономическ я г зет , 2010*).

Самым большим энтузиастом кооперативов, как считает В. И. Щербаков, был премьер-министр Н. И. Рыжков. Именно он в мае 1988 года делал доклад о развитии кооперации в СССР на сессии Верховного Совета СССР, которая после недолгого обсуждения приняла 26 мая 1988 года закон № 8998-ХІ «О кооперации в СССР». Но, как пишет В. И. Щербаков, «на самом же деле под флёром ритуальной риторики в СССР спустя 60 лет законами о кооперации и госпредприятии легализовался статус частного, по сути, предприятия как полноправного участника рынка с правом свободно устанавливать цены на свою продукцию и свободно выбирать партнёров».

Конечно, в руках госпредприятий оставались колоссальные материальные ресурсы, но в действиях своих они были стеснены. Собственные ресурсы кооперативов были ничтожны, зато они обладали свободой действовать по своему усмотрению. Закон предоставлял право гражданам объединяться и создавать кооперативы с использованием наёмного труда. В нём было записано: «Кооператив является организацией граждан СССР, добровольно объединившихся на основе членства для совместного ведения хозяйственной и иной деятельности на базе принадлежащего ему на праве собственности, арендованного или предоставленного в бесплатное пользование имущества, самостоятельности, самоуправления и самофинансирования, а также материальной заинтересованности членов кооператива и наиболее полного сочетания их интересов с интересами коллектива и общества».

К ковы же были последствия действия з кон ? Что имелось в виду и что начало происходить в жизни? Закон, среди других проблем, привёл к резкому росту оборота наличных денежных средств, уходящих в значительной мере от контроля государства (в лице Госбанка СССР).

Ситарян С. А. пишет: «Вступление закона в силу дало мощный толчок развитию товарно-денежных отношений, появились первые кооперативы и первые монстры-кооператоры. Довольно скоро очень многие стали выступать против этого закона, начали требовать, чтобы многие положения закона существенно скорректировать. Вообще, всё, что связано с развитием кооперативов и кооперации, лежало больше в плоскости политической борьбы. Я чувствовал это даже по отношению к себе. Было очень серьёзное сопротивление...» (*Сит рян С. А., т м же*).

Закон не просто легализовал складывающуюся практику развития нового кооперативного движения, но также разрешил организацию кооперативов на базе государственных производственных предприятий! Ещё одной новацией закона стала возможность создания ассоциациями кооперативов своих частных банков. Их тогда в специальном письме Госбанка СССР называли кооперативными и паевыми.

Монополия государства на организацию производств благодаря этому закону ликвидировалась. Закон стимулировал создание мелкотоварных производств на основе рыночных отношений, при этом они обладали максимальной для того времени гибкостью в хозяйственной деятельности.

Министр фин нсов П влов В. С.: «...Целый год кооператоры жили практически вообще без налогов — с них брали всего лишь по три процента от прибыли. Этот порядок, а вернее, полный экономический беспорядок позволил многим дельцам прошлой эпохи успешно отмыть свои теневые капиталы. Делалось это в принципе просто: бралась лицензия на продажу цветов, пирожков, короче, чего угодно. Этих товаров продавали на сто рублей, а в финансовые органы заявляли, будто продали на сто тысяч рублей.

Платили 3000 налога — и вот вам, пожалуйста, чистенькие, отмытые 97000! Не понимать этого механизма отмывки теневых капиталов наши ведущие экономисты, конечно, не могли. Обо всём происходящем можно лишь предполагать и догадываться».

Эффект от принятия закона о кооперации был поистине взрывной. По состоянию на 1 января 1988 года только в РСФСР было создано 7326 кооперативов. В первом квартале 1989 года их было уже более 50 тысяч, и к январю 1990 года число кооперативов превышало 200 тысяч. Численность работающих в них за эти два года выросла со 156 тысяч до 4,9 миллионов человек без учёта работающих по договору, а их было ещё 2,9 миллионов человек. И, в отличие от кооперативов времён НЭП и арендного периода 1920–1950-х годов, при которых преимущественно были на стороне госпредприятий, сейчас, наоборот, они были отгнаны кооперативом.

Первым делом кооператоры занялись тем, что не было предусмотрено авторами закона: пользуясь «ничейностью» госсобственности и возможностью платить сколько угодно тем, кто ею пользовался, кооператоры стали перекачивать к себе ресурсы госпредприятий, разлагать госсектор, снижать его эффективность. Но и это не всё. Многие директора государственных предприятий, почуяв запах собственности и сообразив, что перед ними открывается перспектива, стали на своих заводах создавать кооперативы, которые использовали средства производства, принадлежащие государству, выпуская зачастую ту же самую продукцию, занимаясь её сбытом к личной выгоде. «Фактически стало происходить переплетение, перемешивание собственности и управления, что вызвало массу осложнений в кадровой политике, в психологии трудовых коллективов, во многом криминализировало обстановку и т. д.» (Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений).

Очень скоро при большинстве госпредприятий их руководством было создано множество кооперативов, в

которых стала концентрироваться основная прибыль предприятия (руководили ими зачастую сами директора или их родственники). Самые эффективные цеха и участки превращались в кооперативы, заставляя остальные подразделения работать на них, тем самым быстро стала разъедаться государственная собственность. Создание кооперативов позволяло приступить к отмыванию «грязных» денег. Их масса заметно увеличилась во время антиалкогольной кампании. Следовательно, кооперативы вводились и для того, чтобы стать каналом легализации капиталов теневого и криминального мира.

Таким образом, надежда на кооперативные предприятия как средство и метод быстрого насыщения рынка товарами и услугами не оправдывалась. Кооперативы стремились прежде всего к посреднической деятельности, к торговле, а здесь, как известно, ценности не создаются, а распределяются.

Очень много написано и о торгово-закупочных кооперативах, скупавших товары в госторговле и перепродававших их по повышенным ценам (без ограничений, существовавших в сталинское время). Это привело к возникновению дефицита ряда продовольственных товаров (мяса, молочных продуктов, животного и растительного масла, сахара, муки, соли). Их таким же образом использовали кооперативные кафе и рестораны. А ещё число членов кооперативов росло гораздо медленнее, чем работавших в них по найму, по совместительству. Иной раз на троих-пятерых членов приходилось сто пятьдесят — двести работающих по трудовым договорам. Это был явный признак того, что под вывеской «социалистического» кооператива скрывалось обычное частное предприятие. У них оказался принципиально иной статус, не такой, как у госпредприятий.

З мминистр фин нсов В. И. Семёнов приводит примеры «содружеств» госпредприятия и кооперативов. Один из них получил огласку на заседании Совмина в марте 1990 года. На ГПЗ-21 действовал научно-производственный

кооператив «Инвектор», членами которого были десять человек, девять из которых оказались представителями администрации завода. В кооперативе оказался единственный рабочий, да и тот — сын директора. К выполнению разовых работ привлекались рабочие завода, а наличные деньги за выполненные работы выплачивались через членов кооператива. При этом кооператив пользовался льготами по оплате материальных ресурсов, эксплуатационных расходов. Из полученного дохода в размере 911 тысяч рублей кооператив внёс платежи в бюджет 64 тысячи рублей и направил на оплату труда 635 тысяч рублей.

Серьёзные недостатки в кооперативном движении были наглядно продемонстрированы в шахтёрских городах, где начали происходить массовые забастовки.

Приехав в командировку в Донбасс для встреч с забастовавшими шахтёрами, Щербаков выявил просто чудовищные явления. Например, в Донбассе «кооператоры» (а скорее под их маркой сами работники торговли и общепита) скупали товары в системе государственной торговли по государственным ценам (не выстаивая очереди за дозволенной порцией — «в одни руки больше двух не давать»). Договаривались об опте с директорами магазинов, заведующими складами — разумеется, не без выгоды для последних. Затем тот же товар сбывался населению во много, подчас в десятки раз дороже. Таким образом, из госторговли в Донбассе начисто исчезли мясо, колбаса, сахар, масло, сыр, яйца, лекарства, мыло... Полки магазинов были пусты. Уходя на смену, шахтёр нёс в «тормозке» только варёную картошку или кашу. Все продукты «перетекли» в кооперативы.

Терпение кончилось, когда кооператоры скупили всё пиво в регионе по тридцать две копейки за бутылку и стали продавать его по три-четыре рубля. Зарабатывал тогда за смену горный рабочий десять-пятнадцать рублей, выходил из забоя на поверхность и первым делом восстанавливал водный баланс — выпивал пару бутылок пива, на что теперь уходила почти вся зарплата, нести домой было нечего. Следом за пивом из госторговли в кооперативную переключалась

продажа почти ста процентов сигарет, спичек, стиральных порошков и мыла. Не только бельё постирать — шахтёры помыться не могли после смены! Мыло в раздевалках нитками резали на мелкие кусочки и раздавали в душе. Купить всё это можно было в кооперативах только по семи-восьмикратно завышенной цене. Окурки на улицах исчезли. Люди курили листья деревьев и траву. У половины бастующих на одного члена семьи приходилось от пяти до девяти квадратных метров жилплощади, а у двадцати трёх процентов — меньше четырёх метров, семнадцать процентов вообще не имели своего дома, жили в общежитиях или снимали комнату... Реакция шахтёров была понятной: начались массовые забастовки, которые ещё и активно подогревались жёнами шахтёров. «...А местное партийное начальство почти повсеместно попряталось за спины руководителей исполнительной власти», — вспоминает Щербаков.

Не случайно ВЦСПС на своём VI пленуме 8 сентября 1989 года примет заявление «Об извращениях в кооперативном движении».

Пленум ВЦСПС потребовал от центральных и местных государственных органов принять неотложные меры «по ограждению кооперативного движения от разного рода перекупщиков, спекулянтов и вымогателей». В числе требований было и такое: «...запретить государственным предприятиям торговли, общественного питания и потребительской кооперации продажу кооперативам мяса, мясопродуктов и других товаров повышенного спроса в условиях их острого дефицита...»

2. О программе «500 дней»

В конце горбачёвского правления в Москве шла энергичная работа по подготовке экономической реформы. Когда 19 декабря 1989 года II Съезд народных депутатов СССР в целом одобрил концепцию радикальной экономической реформы (с переходом к рынку), то поручил правительству подготовить к 1 сентября 1990 года проект пятилетнего плана на 1991 — 1995 годы.

Проанализировав в начале следующего года складывающуюся в стране экономическую ситуацию, возглавляемая Л. И. Абалкиным Комиссия по экономической реформе пришла к выводу, что в условиях обостряющегося кризиса необходимо или возвращаться к прежней административно-командной системе, или же форсировать переход к рынку. В комиссии Л. И. Абалкина наметились два способа решения этой проблемы: «одним ударом» уже с 1 июля 1990 года или с 1 января 1991 года. Сторонником немедленного перехода к рынку был ученик Л. И. Абалкина Григорий Явлинский, которому тот доверил руководство одним из отделов Комиссии по экономической реформе. Не получив поддержки со стороны шефа, Г. А. Явлинский вместе со своими «коллегами и друзьями» наметил программу, которая предусматривала переход советской экономики к рынку примерно в течение года. Этими «коллегами и друзьями» были А. Михайлов (Институт Госкомцен СССР) и М. Задорнов (Институт экономики АН СССР). Программа была названа «400 дней доверия. Концепция ускоренного перевода экономики СССР на рыночные начала». Было решено в *течение* 3 лет осуществить то, что планировалось сделать более здравомыслящими правительственными чиновниками в *первые три года*. Имеются сведения, что к этой работе союзного правительства были подключены западные эксперты. Между тем после того, как программа «400 дней» прошла экспертизу за границей и получила там положительную оценку, она в виде ксерокопии стала «гулять по кабинетам».

Через десять дней после своего назначения заместителем премьера России Г. А. Явлинский обратился к М. С. Горбачёву и предложил на основе «500 дней», то есть за полтора года (с учётом ранее разработанной программы «400 дней»), разработать общую программу перехода к рынку для всего СССР.

Что же представляла собою разрабатывавшаяся программа «500 дней», и почему вокруг неё возникли столь острые разногласия? Авторы — Явлинский и подключённый

к разработке учёный Шаталин — исходили из признания полной независимости союзных республик и по этой причине ставили задачу создания Экономического союза. При этом допускалось, что в нём должны участвовать только те республики, которые пожелают этого. Причём для некоторых из них допускалась возможность участия только в качестве ассоциативных членов.

В связи с этим в программе специально подчёркивалось: «Суверенные республики имеют исключительное право на законодательное регулирование владения, пользования и распоряжения всем национальным богатством, находящимся на их территории». И далее: «Все функции и полномочия членов Союза реализуются исходя из принципов верховенств з коног тельств суверенных республик (!!!) и эффективного разделения функций республиканского и союзного управления».

Союзный центр отверг практическое использование этой «программы», так как счёл нереальным подобные кардинальные преобразования за короткий срок, а стоял за проведение преобразований в течение шести-восьми лет (это мнение председателя союзного правительства Н. И. Рыжкова и группы его экспертов).

Но Ельцин решительно поддержал программу «500 дней» применительно к Российской Федерации. По сути дела, ельцинское правительство этой акцией решило полностью взять власть на территории России в свои руки. Но весной 1991 года Горбачёв начал планировать попасть на встречу с главами «семёрки» в Лондоне (летом 1991-го), чтобы уговорить их оказать финансовые вливания в перестройку экономики СССР, которая была уже в преддверии дефолта. И начали к этой встрече готовиться. Союзное правительство подготовило свои варианты, а Явлинский — свою «500 дней», немного скорректированную с помощью американских советников (*т к н зыв емый «г рв рдский пл н»*).

Но непредвзятый анализ этой программы показывал, что она фактически исходит из перспективы

прекращения существования Союза как единого государства и непредсказуемо разрушительно отразится на жизни населения страны. Причём она была утопична, уже исходя из планов получать для её реализации огромные денежные средства Запада (триста миллиардов долларов!), а также их современные передовые технологии для резкого повышения эффективности нашей экономики. *(Сокр щённый текст модернизирова нной прогр ммы «500 дней» был опубликован в большом жур нале весной 1991 год в г зете «Деловой мир».)*

Но США и другие государства, по сути дела, отказались поддерживать устремления Горбачёва по «спасению» СССР от краха. Кроме всего прочего, главы «семёрки» уже считали положение Горбачёва очень слабым, страна разваливается, стали присматриваться к Ельцину как более сильной фигуре.

3. Основные причины острого экономического и политического кризиса при Горбачёве

Как пишет известный отечественный историк, профессор *В. А. Островский*, Горбачёв и его ближайшие сподвижники признают, что к 1985 году экономического кризиса в стране ещё не было. Следовательно, он возник и стал приобретать катастрофический характер лишь в годы перестройки. И хотя его предпосылки складывались в предшествующую эпоху, политика реформаторов вела не к подавлению кризисных тенденций, а к их стимулированию. Это были: 1) антиалкогольная кампания, пробившая первую серьёзную брешь в бюджете страны; 2) отказ от монополии внешней торговли, во многом способствовавший возникновению отрицательного внешнеторгового сальдо, что ещё более било по бюджету и способствовало росту внешнего долга; 3) экономическая реформа 1987 года, стимулировавшая сокращение производства, подтолкнувшая рост инфляции и тоже ударившая по бюджету; 4) создание кооперативов, положившее начало приватизации

государственной собственности и легализации криминального капитала, открывшее возможность для перекачивания государственных средств в частный сектор.

Подобный же искусственный характер имели развивавшиеся в стране не политические процессы. Взятый руководством партии курс на децентрализацию экономики сопровождался децентрализацией управления — резким ослаблением союзных и усилением республиканских органов. Дестабилизирующую роль в тех условиях играло самоотстранение КПСС от власти, что имело следствием утрату оперативного контроля над экономическими и политическими процессами в масштабах всей страны. Причём и первое, и второе проводилось «архитекторами перестройки» целенаправленно, поскольку итогом задуманной ими политической реформы должно было стать превращение СССР в конфедерацию. Между тем исторический опыт свидетельствует: конфедерация как форма государственного устройства — это не только редкое явление, но и переходная форма или к федерации, если на конфедеративной основе объединяются независимые государства, или к совокупности независимых государств, если на конфедеративную основу переходит федерация.

Горбачёв к 1987—1989 годам совершил в экономической сфере всё, что мог: расшатал и подорвал экономику страны, образовал острый товарный дефицит, создал благоприятные условия для развития теневого бизнеса и роста мафиозных структур, помог отмыть огромные суммы грязных денег, укрепил индивидуальный сектор, сформировал мощную группу потенциальных «приватизаторов». С 1990 года союзное правительство под влиянием Горбачёва уже открыто провозглашает курс «на замену плановой системы стихийно-рыночным регулированием» (*Вой Д. В. От зстоя крзвлу*).

На XIX Всесоюзной партийной конференции (июнь 1988 года) были приняты резолюция «О демократизации советского общества и реформе политической системы». По сути дела, она обозначила ползучий, медленный

государственный переворот. Как известно, партия формально и фактически являлась ядром советской государственности, а партийная организация — каркасом государственного влияния.

В резолюции этой же конференции «*О гласности*» подчёркивается, что «последовательное расширение гласности является непременным условием развёртывания процессов демократизации». Но практическая реализация этого тезиса показала, что СМИ активно включились в расшатывание государства. Даже орган ЦК КПСС газета «Правда», «Московские новости», «Аргументы и факты», журнал «Огонёк» и некоторые другие центральные издания многомиллионными тиражами стали публиковать материалы, искажающие историю СССР, выпячивающие какие-то просчёты и недостатки центральной и местной власти. «Обстановка „гласности“ мобилизовала тёмные, сатанинские силы, враждебные стране и русскому народу. Именно они захватили печать, телевидение, радио, установили свою монополию на гласность и, одурманив доверчивую Россию, повели её на Голгофу» (Ан т. А. Громыко. *В л биринт х Кремля*).

Массированной пропагандой в этот период, как говорил на конференции писатель Ю. Бондарев, во многом подорвано доверие к истории, почти ко всему прошлому, к старшему поколению, к внутренней человеческой чести, то есть к совести; она стирала из памяти национальные святыни, жертвы и героизм советского народа в Великой Отечественной войне и так далее. Одурманенные люди поверили новоявленным «лжеучителям» и «лжепророкам», «потеряв социальные и нравственные ориентиры, оказались не в состоянии трезво и объективно воспринимать происходящее».

Секретарь ЦК КПСС А. Яковлев «дирижировал» этим потоком дезинформации, которые лились из СМИ. Известно, что он собирал в зданиях ЦК КПСС на совещания и инструктажи редакторов СМИ (число их доходило до двухсот человек) и вдохновлял их на подобную «гласность».

В марте 1990 года на очередном Пленуме ЦК КПСС Горбачёв и его приспешники поставили вопрос *об отмене 6-й статьи Конституции СССР*, где говорилось о руководящей и направляющей роли партии в жизни советского общества. Пленум, оглушённый и деморализованный успехами демократов, согласился с этим предложением, лишив партию конституционного права на власть. И внеочередной III Съезд народных депутатов СССР отменил эту 6-ю статью конституции. Это означало крушение огромной советской державы. А. А. Громыко, беседуя с сыном Анатолием, однажды заметил: «Ни один титан и даже группа героев не смогут управлять нашей страной без КПСС. Партия — это каркас, на котором всё держится. Разрушишь его, и страна погибнет» (А. Громыко. *В лбиринт х Кремля*).

В качестве наших выводов. По нашему мнению, программа «500 дней», так же как и до неё «400 дней», а также другие попытки реформ экономики СССР *были утопичны* хотя бы потому, что население, руководители предприятий, инженерный состав, рабочие объективно не в состоянии сверхбыстро «переварить» идеи коренного переустройства всей своей жизни, разработанные к тому же людьми, «не нюхавшими» производства.

Видные зарубежные социологи давно и справедливо отметили, что *при просмотре революционных, то есть системных, инноваций* человеческий ум не успевает осознать и подстроиться к сложным экономическим переменам. Нужно время, чтобы людям отказаться от своих стереотипов привычного делового поведения, от привычной системы жизненных координат. У них возникает сознание опасности не найти своё место в системе новых жизненных координат. При разработке программ системных преобразований надо обязательно учитывать особенности социального поведения людей и прорабатывать серьёзные программы информационного характера, обучения новому, постоянно мониторить состояние общественного сознания. Конечно, подобная программа затратна. Но иного не дано.

А то, что вскоре ельцинисты назвали «шоковой терапией», принесло неисчислимые бедствия населению страны, в том числе резкий спад рождаемости, а также всплеск смертности, особенно мужской части населения трудоспособного возраста.

Но в СССР социология была запрещена, общественное мнение по важнейшим аспектам социальных настроений должным образом не исследовалось. Человеческому фактору в подготовке и осуществлении системных преобразований особого внимания не придавалось. Формальный главный руководитель страны Горбачёв, не обладая должными качествами руководителя страны и обладая сознанием подростка, эгоцентриста (*см. 1-ю часть (главу) и ших социологических заметок*), объективно и не мог быть успешным во главе системных преобразований в такой сложной и огромной стране, как СССР.

В следующей главе мы рассмотрим отдельно и такой мощный «таран» в развале СССР, как националистический сепаратизм, который допустил к развитию М. С. Горбачёв со своим ближайшим соратником Яковлевым. И не только допустил, но своими неумелыми действиями в управлении государством, по сути дела, активно этому содействовал.

Об авторе:

Анатолий Михайлович ЛОГВИНОВ — уроженец Краснодарского края (25.02.1944). В Красноярске — с июля 1961 года. Доктор социологических наук, член Российского общества социологов (РОС). Написал и издал 100 научных работ, в т. ч. — монографии, учебные пособия, статьи и пр. Творческие занятия: живопись, графика, сочинение стихов и песен. Публикации в альманахе «Новый Енисейский литератор», газетах, на сайтах «Проза.ру», «Стихи.ру», YouTube; три книги стихов, книга социологических заметок «СССР: от титанов создателей до пигмеев-разрушителей». Член Союза журналистов РФ.
Тел.: + 79135248204.
Эл. почта: Logvinoff.anat@yandex.ru

